

АВТОГРАФ МАСТЕРА

ВОЛШЕБНИЦА ЗА КУЛИСАМИ

Как из обыкновенной марли получается парча, а из шуршащей фольги драгоценные камни! Как превратить кусок жести в старинный клинок! В учебнике добрых волшебников, наверно, можно найти ответы на эти вопросы. Но об этом можно узнать и в комнате № 1 Краснодарского театра оперетты, где работает человек, чье имя никогда не появляется даже на обороте театральной программки.

НА сцене идет дуэль. Звонят шпаги. В пылу боя опрокидывается тяжелый кованный стол, и апельсины катятся под ноги. А незадачливый слуга прячется в огромную корзину, накрываясь видавшей виды фетровой шляпой.

Этот эпизод я придумала, но все предметы, что есть в нем, вполне реальные и лежат за кулисами: звонкие шпаги, резные столы, большая корзина и апельсины. Реальные, да не совсем — шпагой не уберешь, апельсин не откусишь... Это бутафория. «Совсем настоящие» со сцены вещи вблизи превращаются в кусок блестящей жести и поролоновый оранжевый мяч. Все эти вещи сделаны руками Ирины Граблис.

В кинематографе о таких людях говорят — «те, кто за кадром», значит, в театре — «за кулисами». А творчество не только на сцене и в репетиционном зале, оно в любом цехе театра, оно в самой его атмосфере. «Однажды придя в театр, из него уже трудно уйти», — говорит Ира. — С чем сравнивать последние дни перед премьерой, когда кажется, что столько еще нужно успеть сделать, когда после каждой репетиции рождаются новые, более выразительные детали вместо хорошо продуманных и уже выполненных?»

На днях снова премьеры — «Страсти святого Микаэля». Бутафоры назвали его «Веревоочные страсти». Посреди сцены монтируется большой станок, рабочие крепят его на почерневшую от времени тяжелую цепь. Один из них спрашивает: «Из чего это она?». Долго вертит в руках, кажется,

так и не понял. Я бы тоже не догадалась, если бы не видела, как делается это «старинное железо». Сначала Ира плела из веревоочных колец цепи (а для спектакля их понадобилось 60 метров), потом красила звено за звеном черной краской и присыпала алюминиевой пудрой. От нее блестит черный фартук, которым повязана Ира, блестят серебряные пылинки на ее руках и даже на носу. В театральной мебели для нового спектакля тоже используют веревку: ею выложены узоры на спинках стульев и боковинках стола — полная иллюзия деревянной резьбы. А объемные «бронзовые» статуи по краям сцены оказались из папье-маше и пенопласта.

— В бутафории, — рассказывает Ирина, — есть несколько основных условий. Все, что мы делаем, должно быть легко, удобно, прочно, дешево и выразительно. Не все, что блестит со сцены, — золото. Дорогая парча может «потеряться» на сцене, гораздо лучше будет смотреться ее имитация. На любую, самую дешевую ткань наносится рисунок, тонируется красителями, а чтобы он был рельефным, на контур наклеивается обыкновенный рис, присыпанный бронзовой пудрой. «Парча» готова.

Есть много способов сделать ту же «парчу», «драгоценные камни», «тюль». Часто приходится выбирать самый подходящий, искать что-то новое, фантазировать. «Интересно было работать над режиссурой к балету «Снежная королева». Долго искали, например, форму короны Королевы. Над шапочками для снежинок тоже поломали голову.

Они должны были быть легкими, воздушными, ведь в них танцевать. Хотела сначала сделать из мишуры, а потом попала под руки тюль, как будто сам свернулся бантиком, а в середине блестит кусочек елочного «дождика». Вот из таких «новогодних» пушинок и получились у балерин шапочки.

Несут расписать «старинные» башмаки с пряжками из сапожного цеха, для пошивочного нужно сделать кожаный пояс, за блестящим светским цилиндром или воздушным веером тоже идут сюда. После нескольких часов знакомства с Ирой я поняла, что бутафор — это человек, который может сделать все. Все — из ничего. В полуподвальной комнате с табличкой «Бутафоры» чего только нет: кусочки кожи, фанера, картон, старые программки, поролон, тонкая цветная бумага, блестящие рулоны фольги, обыкновенная марля, деревянные заготовки кинжалов. «Каждая мелочь может пригодиться. У нас же безотходное производство», — смеется Ирина.

Пахнет мучным клеем и краской. На маленьких окнах вьются зеленые листья — настоящие на этот раз, цветы — это Ирина забота («С ними уютнее»). В большом ящике уместается весь столярно-слесарный инструмент. Им Ира работает не хуже своих мужчин: ровесника Толи Васильева и опытного мастера Алексея Леонтьевича Коверко.

Ира работает в театре 3 года, а Алексей Леонтьевич — четвертый десяток. Спектакли, в которых есть доля Ириноного труда, назвать легко: «Табачный капитан», «Граждане, чей

ребенок!», «Браво, маэстро», «Снежная королева», «Новые приключения Буратино», «Много шума из ничего». А для того, чтобы перечислить работы Коверко, не хватит пальцев. Многому научилась от него Ира. Ведь это Алексей Леонтьевич приметил ее, когда студенткой театрально-декорационного отделения Краснодарского художественного училища Ирина Граблис пришла к нему на практику. Понравилась старому мастеру ее старательность, аккуратность, выдумка в работе. Он и сейчас старается уступить ей самое интересное. Хотя Ира и говорит: «Неинтересной работы у нас не бывает, каждый раз — эксперимент».

Актерам очень помогают создавать запоминающиеся образы удачно найденные правдивые детали. А чтобы они были достоверны, нужно отлично знать историю костюма, оружия, мебели. В технологии «бутафорского производства» тоже появляются свои новинки.

— Я давно люблю театр, — говорит Ира, и ее карие глаза улыбаются. — Когда была маленькой, занималась балетом. Мы с мамой не пропускали ни одного гастрольного «Лебединого озера».

Кстати, первый раз я увидела Ирину не в ее родном театре, а в драматическом имени М. Горького. Вместе с остальными студийцами народного университета она играла в массовках нового «Конька-Горбунка».

— Это хорошо, когда в 21 год ты уже нашел свое место в жизни, — сказали мне девушки-художницы из декорационного цеха, покидая дорогу к комнате № 1.

Тогда я еще не знала Иру Граблис, человека профессии столь же древней, как театр. И, как театр, вечной.

Д. НЕРСЕЦОВА.

Краснодар.